
А. С. Пушкин

Евгений АБДУЛЛАЕВ

«ПРЕКРАСНОЕ ЗАНЯТИЕ ДЛЯ ФИЛОСОФА!»

Об одной дневниковой записи Пушкина-лицеиста

Аннотация. На основе новой интерпретации записи в лицейском дневнике Пушкина от 10 декабря 1815 года уточняется понимание молодым поэтом философии и ее целей. Также рассматривается одна малоизученная страница в русско-французских литературных связях начала XIX века — влияние публикаций о вымышленном Ордене Гасильника в журнале «Nain Jaune» на русскую словесность.

Ключевые слова: А. Пушкин, Н. де Кондорсе, Вольтер, журнал «Nain Jaune», общество «Арзамас», философия, либерализм, консерватизм.

Евгений Викторович АБДУЛЛАЕВ, филолог, литературный критик, кандидат философских наук. Сфера научных интересов — философские влияния в русской литературе первой трети XIX и первой трети XX века; современная русская литература. Автор многочисленных статей по указанной проблематике. Email: evg_abd@hotmail.com.

10 декабря 1815 года в лицейском дневнике Пушкина появляется запись:

Вчера написал я третью главу *Фатама или разума человеческого: Право естественное*. Читал ее С. С. и вечером с товарищами тушил свечки и лампы в зале. Прекрасное занятие для философа! — По утру читал *Жизнь Вольтера*.

Начал я комедию — не знаю, кончу ли ее¹ (XII, 298).

Этот отрывок не раз становился объектом пушкиноведческих штудий. Определены все упомянутые в нем произведения.

«Фатам, или Разум человеческий» — начатый Пушкиным философский роман, который, по воспоминаниям лицейских товарищей поэта, писался «по образцу сказок Вольтера» [Анненков: 22]. Под «комедией» имелась в виду незавершенная и несохранившаяся комедия в стихах «Философ»²; под «Жизнью Вольтера» — одноименное сочинение Николая де Кондорсе («*Vie de Voltaire*»).

Почему же, в каком смысле тушение свечей могло быть названо «прекрасным занятием для философа»? Ответ на этот вопрос позволил бы точнее реконструировать первые крупные замыслы Пушкина — «Философа» и «Фатама», — а также лучше понять представление о философии, которое начало складываться у Пушкина еще в Лицее.

Однако обнаружить какие-либо интерпретации этой фразы о тушении свечей мне не удалось. Пожалуй, такая попытка предпринята лишь в статье замечательного пушкиниста, недавно ушедшей Ларисы Ильиничны Вольперт «Пушкин и французская комедия XVIII в.» [Вольперт]. Прочитав пушкинскую дневниковую запись, исследовательница — имея в виду упомянутую следом комедию «Философ» — пишет:

¹ Здесь и далее дневники и письма Пушкина цитируются по академическому изданию [Пушкин] с указанием в круглых скобках тома и страницы.

² Гипотезу об использовании начала этой комедии в «Послании Лиде» см.: [Абдуллаев].

Не «резвый» и беззаботный «эпикурец», а юный «завторник», награжденный множеством комических черточек и слабостей, своеобразный мизантроп, отказавшийся от соблазнов света, скорее всего, мог стать героем задуманной комедии [Вольперт: 174].

Таким образом, тушение свечей «философом» трактуется как воплощение мизантропии и уединенности. Это не противоречит в целом тому пониманию образа философа, который возникает в пушкинской лирике того времени³.

И все же, на мой взгляд, назвав гашение свечек «прекрасным занятием для философа», Пушкин подразумевал нечто иное. В своем небольшом очерке я попытаюсь показать это, исходя из двух контекстов пушкинской записи. Прежде всего, из ближайшего — упомянутой в дневниковой записи «Жизнь Вольтера» Кондорсе — и из более отдаленного — из сообщений об Ордене Гасильника, придуманном журналом «Nain Jaune» в конце 1814 года.

«Жизнь Вольтера» была написана Кондорсе в 1787 году и включена в семидесятый том кельнского издания Вольтера. «По-видимому, — писал В. Вацуро, — к <этой> биографии Вольтера Пушкин возвращался и позже. Об этом говорит не только его отличное знание ее с фактической стороны, очевидное уже из самих произведений Пушкина, — но и наличие в его библиотеке более позднего 42-томного издания Вольтера 1818—1820 гг. с полностью разрезанным первым томом, содержащим как раз эту биографию» [Вацуро].

То, что Пушкин, начав комедию «Философ», обратился к «Жизни Вольтера», кажется закономерным⁴. Вольтер был для Пушкина-лицеиста ключевой фигурой, как мыслителем, так и поэтом: «поэт в поэтах первый», как он назовет его в написанном в том же году «Городке».

³ См.: [Абдуллаев: 75].

⁴ Слово «философ» (philosophe) — одно из наиболее частотных в этой книге; вместе с производными от него (philosophie, philosophique и др.) оно встречается 127 раз.

В отличие от самого Вольтера, порой трактовавшего понятие «философ» в ироническом ключе (особенно в «Кандиде»), для Кондорсе философы — прежде всего представители Просвещения, энциклопедисты.

...война, в которой зародилась «Энциклопедия», не прекратилась с запрещением ее издания. Ее главные авторы и сторонники, известные под именами *философов* и *энциклопедистов*, которые у врагов разума звучали как брань, были вынуждены объединиться перед лицом этих гонений⁵ [Condorcet: 247].

Вольтер изображен как глава (*chef*) философов, и сам он — философ *par excellence*. При этом философия Вольтера лишена какой-либо схоластики и излишней абстрактности: одно из главных достоинств своего героя Кондорсе видит в том, что Вольтер смог соединить философию с поэзией:

Поэзия одолжила ему свободу проявлять себя на поприще более широком; он показал, как можно соединить ее с философией так, что поэзия, нисколько не потеряв в прелести, возрастает к новым совершенствам, а философия, не делаясь сухой и не раздуваясь, сохраняет свою точность и глубину [Condorcet: 284].

Это соединение поэзии с философией должно было, по-видимому, заинтересовать Пушкина, начавшего своего «Философа», и вызвать в нем живой отклик. Судя по всему, это представление о том, как можно философствовать в литературе, Пушкин сохранял и позже. Тринадцать лет спустя в своем отзыве на «Бал» Баратынского Пушкин отмечает «удивительное искусство», с которым Баратынский «соединил в быстром рассказе тон шуточный и страстный, метафизику и поэзию» (XI, 75), тем самым повторив то, за что Кондорсе превозносил Вольтера⁶.

⁵ Здесь и далее все переводы с французского выполнены мной. — Е. А. Русский перевод «Жизни Вольтера» выходил почти полтора столетия назад [Кондорсэ]; это издание было мне недоступно.

⁶ См. также похвалу Кондорсе философским романам Вольтера: «Этот род сочинения <...> требует редкого таланта; а именно чтобы шуткой, полетом фантазии, событиями, происходящими в романе, сообщить итоги глубоких философских размышлений (*d'une philosophie profonde*)» [Condorcet: 241].

И все же главное, что «философ» в понимании Кондорсе — борец с предрассудками и невежеством; несущественно, какими, литературными или научными, средствами он эту борьбу ведет. Философия оказывается не столько «профессией» или родом занятий, сколько гражданской позицией, образцом которой Кондорсе считал Вольтера.

Особенно жестко Кондорсе противопоставляет философов врагам прогресса — а следовательно, в понимании автора «Жизни Вольтера», и врагам человечества — «слепым приверженцам старины и тем, кто клеветает на философию» [Condorcet: 281]. «В чем состоит долг философа?» — спрашивает Кондорсе и дает следующий ответ:

Нападать на суеверия, указывать правительствам на мир, богатство и могущество как верное возмещение за законы, охраняющие свободу вероисповедания, и учить их, как не бояться святош, чье тайное влияние каждодневно угрожает покою народа... [Condorcet: 289]

Это приравнивание философии к свободомыслию и критике предрассудков Пушкин-лицейст мог найти не только у Кондорсе. Фигура философа как идеолога либерального переустройства общества присутствует и во многих сочинениях Карамзина⁷. Близкое понимание философа как рационалиста и врага догматизма встречается и в лицейском «Словаре» Кюхельбекера⁸ — а Пушкин был внимательным читателем этого компендиума.

⁷ Хотя Карамзин, в отличие от Кондорсе, смотрел на возможности философа более скептически. См., например: «И вижу ясно, что с Платоном / Республик нам не учредить» («Послание к Дмитриеву», 1794); а также ответ «одного философа» на предложенную ему «гражданскую должность»: «Я буду совершенно бесполезен, — говорит он, — я могу только советовать; но, конечно, никто не примет моих советов, потому что люди уже привыкли к старому и боятся всякой новизны» («Философа Рафаила Гитлоде странствования в Новом свете», 1791).

⁸ См., например, записанные в нем высказывания швейцарского философа-руссоиста Ф. Р. Вейсса: «Целый народ не может быть философом» [Кюхельбекер: 28 об.]; «Мудрый сомневается в истине своих мнений, и должно начать с этого сомнения, если хочешь быть мудрым» [Кюхельбекер: 57].

Все это уточняет тот смысл, который Пушкин в конце 1815 года вкладывал в понятие «философ», и поясняет, что позволяло ему применить это понятие к себе. Хотя такое уточнение не отвечает на вопрос, почему гашение свечей поэт назвал «прекрасным занятием для философа», оно к этому ответу напрямую подводит.

Здесь стоит учесть значение, которое имел глагол «гасить» (*éteindre*) у представителей Просвещения — и в либеральной риторике последующего времени. Об этом значении легко догадаться — как будет показано далее, оно перешло в русскую либеральную лексику. Если борьба с отжившими (как считалось) социальными институтами и установлениями ассоциировалась у идеологов Просвещения со светом, то «гашение» — с обскурантизмом и восстановлением старых порядков.

Именно в этом смысле, например, его употреблял Гольбах⁹; среди русских литераторов — Н. Карамзин в «Послании к Дмитриеву» (1794): «Гордец не любит наставленья, / Глупец не терпит просвещенья — / Итак, лампаду угасим, / Желая доброй ночи им...»

В конце 1814-го — начале 1815 года произошло одно «медийное», говоря современным языком, событие, которое способствовало широкому закреплению этого понятия за обозначением консервативной реакции.

25 декабря 1814 года в парижском сатирическом журнале «*Nain Jaune*»¹⁰ — наиболее радикальном органе бонапар-

⁹ «Человек везде стремится к благу; несмотря на медленный прогресс человеческого духа, в нем сильно это первоначальное стремление; препятствия, которые воздвигаются на его пути, делают его только более упорным: те, кто пытается погасить свет (*se sont efforcés d'éteindre les lumières*), только распространяют его» («О предрассудках, или О влиянии убеждений на нравы и на счастье людей») [Dumarsais: 391].

¹⁰ Полное название этого журнала (иногда называемого также газетой) — «*Le Nain jaune, ou Journal des arts, des sciences et de la littérature*»; издавался Кошуа-Лемером в Париже с 15 декабря 1814 по 15 июля 1815 года. «*Nain jaune*» — «Желтый карлик» (варианты: «Желтый гном», «Желтый карла») — карточная игра, пользовавшаяся исключительной популярностью в XVIII веке; так называлась в ней ключевая карта — бубновая семерка.

тистской оппозиции — на первой странице было напечатано извещение: «Создание Ордена Кавалеров Гасильника» (*Fondation de L'ordre des Chevaliers de l'Éteignoir*).

В действительности такого ордена, разумеется, не было. Это была пародия на тайные роялистские организации вроде созданного в те времена Фердинандом де Бертье Ордена Веры, а также на Орден иезуитов. Сатира «*Nain Jaune*» была направлена против непримиримых консерваторов, отвергавших демократические свободы. Название орден получил от достаточно распространенного в те времена предмета из повседневной жизни — металлического колпачка конической формы с небольшой ручкой для гашения свечей. Забегая вперед, заметим, что таким колпачком гасились свечи и в Царскосельском лицее; «гасильник» упоминается и в черновиках «Графа Нулина», среди вещей графа: «Щипцы с пружиной и гасильник» (V, 169)...

Однако вернемся к сатирическому памфлету в «*Nain Jaune*». Извещение о «создании» нового ордена начиналось словами, пародировавшими консервативную риторику тех лет:

Честные люди, имеющие благородное намерение передать своим детям в наследство те предрассудки, которые они сами получили от своих отцов... [*Fondation... xlix*]

Далее в подобных выражениях описывалось падение образования (под которым подразумевались колледжи иезуитов) и в целом великий упадок «в несчастливых странах, зараженных либеральными идеями» [*Fondation... I*]. Дабы бороться со всем этим злом, и создавался Орден Гасильника, статут которого анонимные авторы обещали опубликовать позже.

«Органические статуты (*Statuts Organiques*) Ордена Гасильника» появились в пятом номере за 5 января 1815 года. «Статуты» состояли из тринадцати пунктов; для нашего исследования представляет интерес пункт 12, согласно которому кавалеры Ордена были обязаны дать «клятву ненависти к философии, либеральным идеям и конституционной хартии» [*L'ordre... 8*].

Таким образом, «гасильник»¹¹ изображался как враг философии и прямой антипод философа. Эта противоположность была еще более подчеркнута в девятом номере журнала (25 января 1815 года), где был опубликован шутовской церемониал принятия в Орден. Новопринятому «кавалеру Гасильника» якобы вручался сертификат, в котором, среди прочих его «заслуг», отмечалась его «благотворная нетерпимость, которую он испытывает всем своим существом к любой идее, найденной либеральной, философской или конституционной...» [*Cérémonial...* 100]. Затем «пред лицом Ночи и Хаоса» кавалер приносил клятву вести «смертельную войну против философии (*une guerre à mort à la philosophie*), всех последователей, как рожденных, так и могущих родиться, Сократа, Бэкона, Монтескье; всех ее светильников (*lumineux*) всех столетий и всех времен» [*Cérémonial...* 101]. После чего на голову кавалера торжественно водружался колпак в виде гасильника.

15 февраля были опубликованы протоколы консистории Ордена и впервые использован символ  для обозначения членов Ордена [*Nominations...* 207]; этот символ ставился против имен особо одиозных консерваторов и использовался затем регулярно. А о деятельности «гасильников» читателям сообщалось почти в каждом номере. Например, 28 февраля в разделе корреспонденции говорилось о торжественном обеде по случаю учреждения Ордена и о куплетах, распевавшихся на нем.

Монтескье не знали б мы,
Ни Вольтера, ни Руссо,
Коль гасильник их умы
Погрузил во мрак и сон.

Развенчаем сих кумиров
Разума-насильника
И сплотимся целым миром
В Ордене Гасильника!¹²

¹¹ Понятие «гасильник» в этом значении (как того, что гасит чувства, мысли, прогресс) встречается уже у Вольтера — см.: [*Éteignoir*].

¹² «Eussions-nous vu des Voltaire, / Des Montesquieu, des Rousseau, / Si l'éteignoir salutaire, / Eût obscurci leur cerveau? // Détrônons ces vains fantômes, / Brisons leur frêle pouvoir, / Et rallions tous les hommes / A l'ordre de l'éteignoir» [Б. н.: 405].

Итак, главными врагами «гасильников» объявлялись философы — причем не только просветители Монтескье, Вольтер и Руссо, но и Бэкон, и даже Сократ. (Здесь опять же возникают параллели с восхвалением Сократа в пушкинском лицейском «Послании Лиде»: «Люблю я доброго Сократа!..»)

Кроме вымышленных известий об Ордене в журнале печатались цветные карикатуры, изображавшие заседания капитула Ордена. Члены-«кавалеры» были изображены с колпаками-гасильниками на головах и гасильником, который они держали над зажженной свечой; печатались и шутовские «дипломы», удостоверяющие «членство» в Ордене... И хотя журнал через несколько месяцев был запрещен цензурой, результат этого «медийного проекта» был достигнут: слово «гасильник» надолго вошло в арсенал либеральной риторики не только во Франции, но и за ее пределами.

Было ли известно Пушкину об Ордене Гасильника 10 декабря 1815 года — когда он сделал в дневнике упоминутую запись о гашении свечей?

По всей вероятности, было. За новинками французской прессы образованная российская публика следила внимательно, «Nain Jaune» читали. И прежде всего в том кругу, на который ориентировался молодой Пушкин. Напомню, именно в этой среде в октябре того же года возникло «Арзамасское общество».

«Желтый Карла может научить шутить забавно: наша молодежь учится по нем тайнам государственных наук. Это Кормчая книга наших будущих преобразователей», — так писал о «Nain Jaune» в записных книжках Вяземский [Вяземский: 359]. А другой «арзамасец», Николай Тургенев в письме своему брату Сергею из Петербурга 29 октября 1816 года использовал значок гасильника в применении к некоторым, как ему казалось, недостаточно либеральным собратьям по «Арзамасу».

Не видал здесь еще ни одного человека, с которым бы можно мне было говорить о любимой моей материи. Либеральности не вижу ни в ком; даже и брат Александр Иванович отклонился совсем от истинных правил и пустился в обскурантизм и сделался 🐷. Хваленый их Карамзин подлинно кажется умным человеком, когда говорит о русской истории;

но когда говорит о политике... то кажется ребенком и 🐣. Блюдов тоже 🐣. Поэт их Батюшков Idem [Тургенев: 200].

Судя по тому, что этот символ использовался Н. Тургеневым без пояснений, его адресату, также входившему в арзамасский круг, он наверняка был хорошо известен¹³. Вообще, вопрос о влиянии Ордена Гасильника и его ритуалов на «Арзамас», особенно пародийной репрезентации на заседаниях общества противников арзамасцев — консервативной «Беседы», — еще требует своего исследования¹⁴.

Об Ордене Гасильника Пушкин мог узнать не обязательно через арзамасский круг (например, через Жуковского, познакомившегося с Пушкиным 19 сентября 1815 года), но и через другие каналы: «Nain Jaune», как уже было сказано, был достаточно читаемым. Не случайно слово «гасильник» как обозначение обскуранта и консерватора так же устойчиво вошло в русскую политическую лексику XIX столетия, как его оригинал — во французскую¹⁵.

Таким образом, реплика из дневника Пушкина: «Прекрасное занятие для философа!» — после сообщения о том, что он «вечером с товарищами тушил свечки и лампы в зале», может быть истолкована только в ироническом ключе. Философ (каким — не без оглядки на образ Вольтера из книги Кондорсе — Пушкин видел себя), пользующийся гасиль-

¹³ Впервые Н. Тургенев упоминает о «Nain Jaune» в письме к С. Тургеневу в письме от 24 февраля 1816 года: «O Nain Jaune я слышал» [Тургенев: 158]. Символ он использовал еще в нескольких письмах брату, а в одном — от 🐣 июня 1819 года — употребляет образованное от названия Ордена слово «этеньюаризм» [Тургенев: 288].

¹⁴ В недавнем основательном исследовании об «Арзамасе» М. Майофис о влиянии ордена Гасильника ничего не сказано (хотя в книге разбирается приведенное выше письмо Н. Тургенева [Майофис: 251, 299]).

¹⁵ Причем это слово употреблялось не только либералами. Так, Александр II в письме супруге, императрице Марии Александровне, от 25 августа 1857 года писал: «...не принимай меня за гасильник <...> Бога ради, не давай увлекать себя стремлениям к так называемому прогрессу (которые, увы! слишком у нас в моде и могут повести нас далеко)». Цит. по: [Татищев: 153].

ником, — это действительно выглядело комично, что Пушкин и отразил в своей записи.

Литература

Абдуллаев Е. Философы и «Философ» в пушкинском «Послании Лиде» // Вопросы литературы. 2016. № 3. С. 59—81.

Анненков П. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. 2-е изд. СПб.: Общественная польза, 1873.

<Б. н.> // *Le Nain jaune, ou Journal des arts, des sciences et de la littérature.* 28 Février 1815. No 16. P. 403—406.

Вацуро В. Э. «Вольтеровский» эпизод в биографии Пушкина // Новое литературное обозрение. 2000. № 2 (42). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/42/vacuro1.html>.

Вольперт Л. И. Пушкин и французская комедия XVIII в. // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 9. Л.: Наука, 1979. С. 168—187.

Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848) / Изд. подгот. В. С. Нечаева. М.: АН СССР, 1963. («Литературные памятники»).

Кондорсэ Ж. Жизнь Вольтера и др. (Европейские писатели и мыслители. Вып. VIII.) СПб.: Изд. В. В. Чуйко, 1882.

<*Кюхельбекер В.*> Словарь // ОР РГБ. Ф. 449. Оп. 2. Ед. хр. 13.

Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов. М.: НЛО, 2008.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 16 тт. М.—Л.: АН СССР, 1937—1959.

Татищев С. С. Детство и юность Великого князя Александра Александровича / Подгот. текста С. С. Атапина, В. М. Лупановой; вступ. ст. Н. А. Малеванова // Великий князь Александр Александрович: Сб. док. М.: Рос. фонд культуры: Студия «ТРИТЭ»: Рос. архив: Рос. гос. ист. архив, 2002. С. 5—442.

Тургенев Н. И. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.—Л.: АН СССР, 1936.

Cérémonial de la reception des chevaliers de l'ordre de l'Éteignoir // *Le Nain jaune, ou Journal des arts, des sciences et de la littérature.* 25 Janvier 1815. No 9. P. 99—102.

Condorcet. Vie de Voltaire // *Voltaire.* Œuvres complètes. Texte établi par L. Moland. 50 vol. Vol. 1. Paris: Garnier Frères, 1877. P. 189—292.

Dumarsais <D'Holbach>. Essai sur les préjugés, ou De l'influence des opinions sur les moeurs et sur le bonheur des homes. 9 édition. Paris: Niogret, 1822.

Éteignoir // Dictionnaire de la langue française, par É. Littré. 4 Tomes. T. 2. Paris: Hachette, 1874. P. 1515. URL: www.littre.org/definition/%C3%A9teignoir.

Fondation de l'ordre des Chevaliers de L'Éteignoir // Le Nain jaune, ou Journal des arts, des sciences et de la littérature. 25 Décembre 1814. No. 3. P. xlix—liii.

L'ordre l'Éteignoir. Statuts Organiques // Le Nain jaune, ou Journal des arts, des sciences et de la littérature. 5 Janvier 1815. No. 5. P. 6—8.

Nominations de l'ordre de l'Éteignoir // Le Nain jaune, ou Journal des arts, des sciences et de la littérature. 25 Février 1815. No. 13. P. 205—207.

Bibliography

Abdullaev E. Filosofiy i 'Filosof' v pushkinskom 'Poslanii Lide' [Philosophers and the Philosopher in Pushkin's *Message to Lida*] // Voprosy literatury. 2016. Issue 3. P. 59—81.

Annenkov P. A. S. Pushkin. Materialy dlya ego biografii i otsenki proizvedeniy [A. S. Pushkin. Materials for His Biography and Evaluation of His Works]. 2nd edition. St. Petersburg: Obshchestvennaya polza, 1873.

Cérémonial de la reception des chevaliers de l'ordre de l'Éteignoir // Le Nain jaune, ou Journal des arts, des sciences et de la littérature. 25 Janvier 1815. No. 9. P. 99—102.

Condorcet. Vie de Voltaire // *Voltaire*. Œuvres complètes. Texte établi par L. Moland. 50 vol. Vol. 1. Paris: Garnier Frères, 1877. P. 189—292.

Condorcet. Zhizn' Voltera i dr. (Evropeyskie pisateli i mysliteli) [The Lives of Voltaire and Others (European Writers and Thinkers)]. Issue 8. St. Petersburg: Izd. V. V. Chuyko, 1882.

Dumarsais <D'Holbach>. Essai sur les préjugés, ou De l'influence des opinions sur les moeurs et sur le bonheur des homes. 9 édition. Paris: Niogret, 1822.

Éteignoir // Dictionnaire de la langue française, par É. Littré. 4 Tomes. T. 2. Paris: Hachette, 1874. P.1515. URL: www.littre.org/definition/%C3%A9teignoir.

Fondation de L'ordre des Chevaliers de L'Éteignoir // Le Nain jaune, ou Journal des arts, des sciences et de la littérature. 25 Décembre 1814. No. 3. P. xlix—liii.

<Küchelbecker W.> Slovar' [Vocabulary] // OR RGB. F. 449. Inv. 2. Item 13.

L'ordre l'Éteignoir. Statuts Organiques // Le Nain jaune, ou Journal des arts, des sciences et de la littérature. 5 Janvier 1815. No. 5. P. 6—8.

Mayofis M. Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshchestvo 'Arzamas' i rossiyskiy modernizatsionniy proekt 1815—1818 godov [Appealing to Europe: *Arzamas* Literary Society and Russian Modernization Project of 1815—1818]. Moscow: NLO, 2008.

Nominations de l'ordre de l'Éteignoir // Le Nain jaune, ou Journal des arts, des sciences et de la littérature. 25 Février 1815. No. 13. P. 205—207.

Pushkin A. S. Complete works in 16 vols. Moscow — Leningrad: AN SSSR, 1937—1959.

Tatishchev S. S. Detstvo i yunost' Velikogo knyazya Aleksandra Aleksandrovicha [Childhood and Youth of Grand Duke Alexander Alexandrovich] / Text prep. by S. S. Atapin, V. M. Lupanova; foreword by N. A. Malevanov // Velikiy knyaz' Aleksandr Aleksandrovich [Grand Duke Alexander Alexandrovich]: A collection of documents. Moscow: Ros. fond kultury: Studio 'TRITE': Ros. arkhiv: Ros. gos. ist. arkhiv, 2002. P. 5—442.

Turgenev N. I. Pis'ma k bratu S. I. Turgenevu [Letters to the brother S. I. Turgenev]. Moscow — Leningrad: AN SSSR, 1936.

<Untitled> // Le Nain jaune, ou Journal des arts, des sciences et de la littérature. 28 Février 1815. No. 16. P. 403—406.

Vatsuro V. E. 'Volterovskiy' epizod v biografii Pushkina [The Voltaire Episode in Pushkin's Biography] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. Issue 2 (42). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/42/vacuro1.html>.

Volpert L. I. Pushkin i frantsuzskaya komediya XVIII v. [Pushkin and the French Comedy of the 18th Century] // Pushkin: Issledovaniya i materialy [Pushkin: Studies and Materials]. Vol. 9. Leningrad: Nauka, 1979. P. 168—187.

Vyazemsky P. A. Zapisnie knizhki (1813—1848) [Notebooks (1813—1848)] / Ed. V. S. Nechaev. Moscow: AN SSSR, 1963. (Literaturnie pamyatniki [Literary Monuments Series]).